
СТУДИЯ
«ДИАФИЛЬМ»

Г. КАРПЕНКО

ВАСЬКА ЖИЛИН

ХУДОЖНИК В. ТУРЕНКО

Производство студии „Диафильм", 1958 г.

ГОД
1918-й

Ну и погода! Хуже не придумаешь! Патруль Красной гвардии шагает навстречу ледяному ветру. Обходит переулки, улицы, смотрит — всё ли спокойно в советской Москве. Впереди Чапурной — большевик, депутат Совета.

Наступили сумерки. Патруль уже возвращался с обхода. И вдруг — что это? В особняке никого не должно быть и двери заколочены, почему же дым?

Видно, здесь собралось шумное общество; собравшиеся ведут себя как-то странно. Подняли такой крик, что Чапурной ничего не может понять.

Это ребята с фабричного двора забрались сюда через разбитое окно, затопили камин и играют в буржуев. Сначала играли в буржуйский пир, а потом стали буржуев бить.

— Вы что здесь делаете? — удивился Чапурной. — Дом спалить могли!

Заводила – Васька Жилин. Он старый знакомый Чапурного: живут в одном дворе.

– „Мы – буржуи!“ – ответил Васька. – „Ах, вот что!“ Чапурной велел выйти „буржуям“ вон. А Ваське строго-на́строго сказал: „Увижу ещё раз – нарву уши!“

Что ты будешь делать? И голодно, и холодно, а у них игра. Ребята и есть ребята. Надо думать, как растить их, будущих хозяев Советской страны.

Васька Жилин живёт с матерью и братишкой. Отца у них убили на войне. Трудно живут. Вот и сегодня Васька принёс по карточкам вместо хлеба сухой овёс. А что с ним делать?

Совсем поздно зашёл Чапурной. Васька решил, что пришёл жаловаться. Но Чапурной и мать говорили совсем про другое: вспоминали Васькиного отца, и Чапурной записал Ваську и Саньку в какие-то списки.

Жизнь с каждым днём становилась всё труднее, и решила Пелагея, Васькина мать, ехать за хлебом. Собрала мужнюю одежду, может, на что и выменяет. Попросила соседей присмотреть за ребятами, а Ваське сказала: „Ты, сынок, остаёшься за старшего, Саньку береги".

Мать уехала. Чапурной достал ребятам талончики в столовую. „Эх, суп, суп! Суп! Суп без круп.
Нальют кувшин – в нём воды аршин“.
Горькая песенка, да и жизнь не слаще.

А на улицах в Москве шли митинги. Васька мимо митинга не пройдёт, может, и не всегда всё поймёт, но главное понимал хорошо: не было бы на свете буржуев – не было бы тогда ни войны, ни голода.

Много было у молодой Советской власти забот – и фронт и разруха. А в Совете Народных Комиссаров, которым тогда руководил Владимир Ильич Ленин, с повестки дня не сходил вопрос, как спасти от голода детей.

В фабричном посёлке решено было открыть детский дом. И заведующим назначили Чапурного. Он отказывался: „Да вы что! У меня и своих-то детей не было“. — „Все они наши, — сказал председатель Совета. — Ленин, Владимир Ильич, что говорит? Забота о детях — наша забота“.

Весть об открытии детского дома разнеслась быстро. Ребята вели разговоры про то, какой это такой будет детский дом. — „Саньку пускай берут, а я, как мать вернётся, пойду на фронт“, — говорил Васька.

Проходили дни. Ждал, ждал Васька мать, но мать не вернулась. Жилиным пришло письмо, в котором было написано, что столкнули Пелагею с поезда и умерла она в больнице, а вещей при ней никаких не было.

Васька ушёл один в свою нетопленную комнату и долго думал, какие же это люди столкнули его мать, такую слабую, с больными ногами. Потом уткнулся в холодную подушку, на которой она спала, и горько заплакал.

Чапурной хлопотал: он достал дрова, продукты, но многого ещё не хватало для детского дома. А ему хотелось, чтобы ребята пришли в тепло и уют.

Помогали ему все, как могли. Васька тоже старался. Невесть где раздобыл он самовар: „Пригодится?“ — „Ещё как! Молодец!“ — похвалил его Чапурной.

Наконец настал день, когда дети пришли в свой дом. — „Не робеть, воробьи, не робеть!“ — говорил, встречая их Чапурной. Васька шёл и оглядывался: „Вот какой он, детский дом, вот где они будут жить!“

Пообедать Васька пообедал и даже поужинал. А потом тёмными коридорами через боковую дверь — в парк...и удрал, как задумал.

Решил Васька бежать на фронт, и ему повезло. На путях стоял воинский состав. Осторожно пробрался Васька в вагон, его не заметили.

Только утром узнал Чапурной про Васькин побег. Где теперь его искать? Из Москвы на фронт дорог много. По какой шагает Васька Жилин, далеко ли уйдёт?

Вёрст за сто от Москвы обнаружил Ваську красногвардеец Чебышкин. – „Слазь, тебе говорят!“ – закричал он. – „Дяденька, – сказал Васька так, что у Чебышкина засосало под сердцем, – мне слезать некуда“. – „Воевать едешь?“ – „Нет, к бабке в деревню“, – соврал Васька.

Поезд шёл день, ночь и остановился. — „Теперь, Василий, шагай, — сказал Чебышкин. — Мы, может, месяц здесь стоять будем, а ты к бабке пеший дойдёшь“. Дал Чебышкин ему на дорогу сухарей, и зашагал Васька дальше один.

Шёл Васька от деревни к деревне и всё спешил начать боевую жизнь. А война-то была здесь, рядом. Воевали кулаки-богатеи с Советской властью, прятали от красногвардейских продотрядов хлеб. Жестоко расправлялись с бедняками и коммунистами.

Однажды ночью в избу, где ночевал Васька, пришли за дедом. Хороший был дедушка. Ваську пожалел, накормил. Деда связали и увели без шапки, в одной рубахе.

Видно, дед помог продотряду искать хлеб по кулацким амбарам, за это его стали пороть. Бабка в слёзы: „Помогите, люди добрые!“ А поп ей крестом погрозил: „Мало ещё ему, большевистскому советчику“.

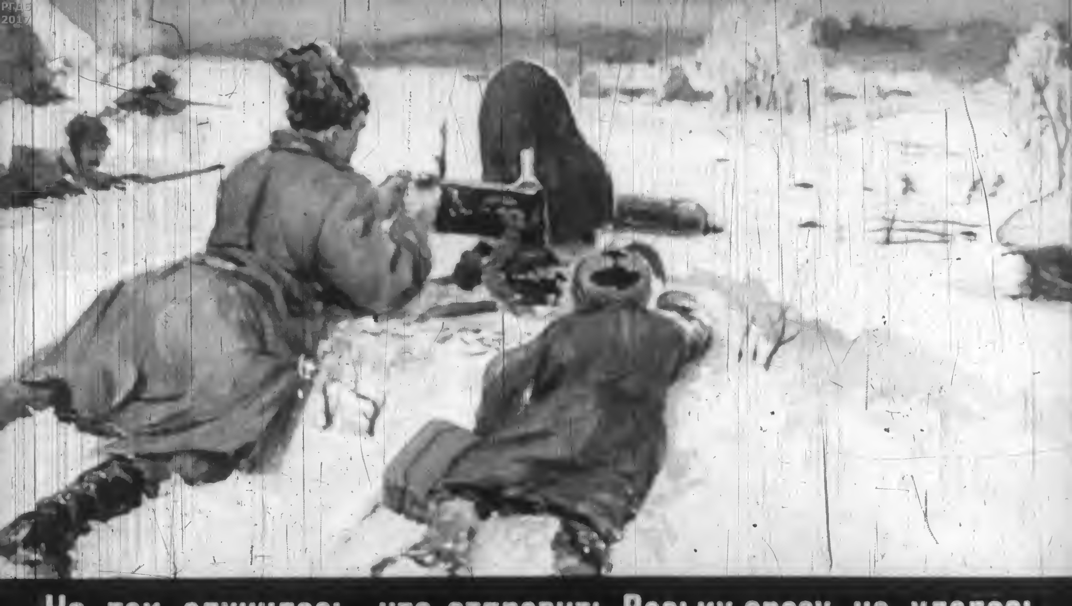
Не выдержал, бросился Васька бежать по дороге прочь от села. Далеко забежал, сил больше нет, а в поле непогода, ветер с ног валит. Упал Васька, хотел встать, да не смог.

Только, видно, его счастье: хотя и замело Ваську снегом, не проскакали мимо красные конники, заметили, подобрали. — „А парень-то знакомый“, — сказал Чебышкин.

Когда Васька пришёл в себя, с ним поговорил комиссар Степан Михайлович: „Что же ты, герой, Чебышкина нашего обманул?“ Пробирал, а говорил ласково. И Васька рассказал ему всю правду. – „Тебе, брат, учиться надо, а здесь ты нам ни к чему“, – сказал комиссар.

Но так случилось, что отправить Ваську сразу не удалось и побывал Васька с отрядом в боях. Во время боя Васькино сердце того гляди выпрыгнет — страшно ему за комиссара: он впереди всех, каждая пуля в него угодить может.

А бой кончится, он от комиссара ни на шаг, спал рядом под одной шинелью.

На войне часто, часто расстаются люди. Однажды заночевал в деревне красногвардейский отряд. Вдруг среди ночи набат. Вспыхнуло за рекой зарево пожара. Помчался отряд за реку в село, а Васька остался один.

Только к вечеру удалось перебраться ему за речку. Ранен был в тот день комиссар, метался в жару, бредил. Васька просидел около него всю ночь.

Нужно было немедленно отправить комиссара в госпиталь, а на дорогах опасно. Тут пригодился Васька: решили, что в санях с комиссаром поедет он, будто везёт отца в больницу, а на других санях – красногвардейцы.

По дороге через лес остановили сани бандиты. Васька заплакал: „Тятька больной, в город еду!“ Поверили, отпустили. Погнал Васька что есть духу, а сзади стрельба.

В госпитале пришлось остаться и Ваське. Простыл он дорогой и тяжело захворал. Когда Васька стал подниматься, он трогательно ухаживал за Степаном Михайловичем.

Наступила весна... Комиссар поправлялся медленно. Подолгу он беседовал с Васькой о том, какая она будет, жизнь, когда кончат воевать и победят белых.

Когда пришла пора Ваське выписываться, Степан Михайлович взял с него слово, что он вернётся к Чапурному. — „Ты, брат, учись, расти, — сказал комиссар, — а я за тебя ещё повоюю“.

По дороге Васька всё думал, как его встретит Чапурной? И если бы не слово, которое он дал комиссару, спрыгнул бы он с поезда и пошёл куда глаза глядят.

Чапурной встретил Ваську на вокзале. Этого Васька не ожидал. Чапурной не спросил его строго, „что же это ты вздумал бежать?“, а просто прижал к себе Васькину голову и сказал только: „Эх, ты, Васька!“

По дороге в детский дом он рассказывал Ваське про Саньку, про ребят, про то, как трудно ему доставать дрова, крупу, мыло. — „Ничего, справляюсь“, — говорил Чапурной.

Ребятам Чапурной сказал: „Вот прибыл наш товарищ Василий Жилин“. Не сказал „который убежал“, а сказал „прибыл“.

А вечером Васька рассказывал ребятам про свои похождения. — „Что же ты воевать не остался?“ — спросил кто-то. — „Какой я вояка, — собрав всё своё мужество, ответил Васька. — Мне учиться надо, а не воевать“.

И, действительно, принялся за учёбу. Нелегко ему было первое время. Бьётся над задачей, но до тех пор, пока не решит — не отступит.

К празднику шла уборка и в доме и в саду. Васька нигде не отставал. — „За ним не угнаться“, — говорили ребята.

А перед самым праздником Васька с Чапурным написал комиссару письмо. И начиналось оно так: „Дорогой Степан Михайлович! Я теперь помню про вас на всю мою жизнь, а грамоте я учусь и стараюсь“.

Наступил день Первого мая. По Красной площади шли демонстранты. „Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе!“ — пели они.
Суровым был первый праздник Советской страны.

Шли и ребята детского дома. — „Это наш детский дом!“ — говорили друг другу демонстранты. И Васька шёл вместе со всеми.

На трибуне Владимир Ильич. Он видит ребят детского дома. Видит, как высоко они стараются держать Красное знамя. Он приветствует их и говорит: „Пусть дети пройдут вперёд!“

КОНЕЦ ДИАФИЛЬМА

Редактор Е. Кавтиашвили
Художественный редактор А. Морозов
Д-69-58
Студия „Диафильм"
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7